

УДК 821.161.1 (092) : 82-14 «652»

ЕКАТЕРИНА ПАЛИЙ

(Полтава)

КОНЦЕПТ «ПРОШЛОГО» В СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В. БРЮСОВА «ТРЕТЬЯ СТРАЖА»

Ключові слова: міфологізм, історизм, традиція, мотив, образ, символізм.

На всем протяжении своего творчества В. Брюсов успешно осваивал разные культурные пласты, которые интегрировались в его лирике и, преобразованные силой поэтического видения, становились ключевыми особенностями его индивидуального стиля. Проблема художественного синтеза в творчестве писателя становилась объектом внимания многих ученых (Д. Е. Максимова, К. В. Мочульского, Н. С. Бурлакова, Н. С. Ашукина).

Однако в полной мере этот вопрос не решен в литературоведении. В этой связи возникает необходимость более детально рассмотреть способы и формы освоения исторических событий в творчестве В. Брюсова. Это обуславливает актуальность данного исследования.

Лирический герой В. Брюсова выступает во множестве ролей. То он предстает как актер, примеряющий на себя маски мифологических героев (Орфей, Эвридика, Тезей, Ахилес), реальных исторических лиц (Клеопатра, Антоний), вымышленных персонажей древности: «И вот – я лежу в полусне На мху первобытного бора...» [5, с. 65], «Я жалкий раб царя, и жребий мой безвестен...» [6, с. 69].

К. В. Айвазян отмечал, что исторические образы у В. Брюсова тесно связаны с его исканиями героических характеров, ярких страстей, насыщенных глубоко-

ким содержанием жизни. Они противопоставлены буржуазной «повседневности», в которой поэт не видел еще революционных сил [1, с. 4].

Поэт с презрением отрицает вялую, бестрепетную современность и романтически противопоставляет ей скифскую силу и деяния героических личностей древнего Рима, Ассирии, Египта, Вавилона, овеянных легендами; неустанных завоевателей, которых сам Бог едва ли мог лишить венца. Название сборника «Третья стража» (1898–1901) взято из истории Рима. Третьей стражей римляне называли воинов, заступавших на караул в конце ночи, на рассвете. Эти воины, охранявшие дворцы римских императоров, были эталоном мужества и благородной самоотверженности.

Самой «историчной» частью книги можно назвать цикл стихотворений «Любимцы веков» (книга «Tertia Vigilia» (1898–1901)). Чтобы воспроизвести силу героев давно прошедших веков, поэт заставляет их говорить о самих себе и своих деяниях.

Стихотворение «Старый викинг» (1900) – самое «скульптурное» в цикле «Любимцы веков» (сборник «Третья стража»). Герой «стал на утесе» – и это похоже на пьедестал со статуей наверху. До конца стихотворения эта поза не меняется. Но «каменным» началом суть героя не исчерпывается. Основное в нем – дух исканий, устремленность в дальние земли, теперь для него, увы, недоступные. Его родная стихия – «губящие битвы», а дом оборачивается «кровлей могильной». Начатое в третьем лице, повествование в стихотворении в последней строфе превращается в речь от первого лица: «Хочу навсегда быть желанным и сильным для боя» [5, с. 154], – это воспринимается не то как мысль автора по поводу сюжета о викинге, не то как общие взгляды автора и героя.

*Хочу навсегда быть желанным и сильным для боя,
Чтоб не были тяжки гранитные косые стены,
Когда уплывает корабль среди шума и воя
И ветер в лицо нам швыряется брызгами пены* [5, с. 154].

В сборнике «Третья стража» поэт впервые пишет о сильном, непоколебимом и мужественном герое современного мира. Первые попытки создания образа этой дерзкой личности были сделаны в стихотворении «Скифы» (1899). Интересна история написания этого стихотворения. Однажды поэт посетил Московский исторический музей. Рассматривая рисунки музея, он увидел «скифский рисунок», который его очень заинтересовал, и именно этот рисунок стал толчком к созданию большого монолога о собственном «Я», о том, как бы он, поэт, мог быть в племени скифов. В этом поэтическом произведении в духе неоромантизма, в условной форме поэт прославляет героизм, мужество, дерзость, силу, стремление к лучшему – качества, присущие активной, сильной, деятельной личности. Именно такую личность хотел видеть В. Брюсов в образе героя современности:

*Если б некогда гостем я прибыл,
К вам, мои отдаленные предки, –
Вы собратом гордиться могли бы,
Полюбили бы взор мой меткий.*

*Словно с детства я к битвам приучен!
 (Мне в раздолье степей все родное.)
 И мой голос верно созвучен
 С оглушительным бранным воем,
 Из половцев окажусь я лучшим...
 Мы опять летим на добычу [5, с. 152-153].*

В стихотворении допускается возможность путешествия во времени, и возникает ситуация, отличающаяся от наблюдения за викингами издалека, из будущего. Условное наклонение: «Если б некогда гостем я прибыл к вам, мои отдаленные предки» [5, с. 152], – вскоре сменяется будущим временем: «Из пловцов окажусь я лучшим», – а в конце стихотворения – и настоящим временем: «Мы опять летим на добычу» [5, с. 153]. Желание, казавшееся не осуществимым вначале, незаметно превращается в осуществленное. Поэт все больше вживается в мечту и видит прошлое все ярко и зримо. Переживание «скифства» в стихотворении глубоко индивидуально.

Создавая образ царя Соломона в одноименном стихотворении, поэт отверг факты истории и взял за основу изображения средневековые легенды, в которых израильско-иудейскому царю Шеломо (960–935 годы до н. э.) приписывались качества премудрого, справедливого царя, повелителя духов, обаятельного человека. Поэту надобно было оживить мертвую среду, которую он знал, в которой постоянно вращался и тосковал о великих свершениях. Для этой цели совсем и не следовало показывать реального Соломона – одного из идеологов и создателей древнееврейского рабовладельческого государства.

Образы великих личностей у В. Брюсова – символы, но не лишены некоторых реальных черт. Если Ассаргадон диктатор, то Соломон – пророк, мудрец, способный быть правдивым судьей между дьяволом и богом:

*Я сын греха, но полн, – как кубок мой вином, –
 Безмерной мудростью, вещаю правду с трона;
 И дьявол выбрал бы меж ним и божеством
 Судьею Соломона.
 Я царь среди царей, среди певцов певец,
 Владыка, – страшен я, слагатель песен, – сладок.
 Я славой ужасну и увлеку, как жрец,
 В немую тьму загадок [7, с. 14].*

Соломон возводится в абсолют. Он «до глубины постиг всю суету веков – богатства, силы, знаний». А что еще есть в мире, кроме этих трех «китов»? Власть. На это у Соломона готов ответ: «Я царь среди царей... Так. Я велик во всем. Стою я как кумир» [7, с. 14].

Личность великого гуманиста эпохи Возрождения Данте Алигьери неоднократно привлекала внимание многих поэтов и писателей, в том числе и поэтов-символистов, которые считали, что «Божественная комедия» предвосхитила символизм. Для символистов Данте был, по словам В. Брюсова, «родной тенью». В его художественном сознании он предстает как одинокий «пророк», религиозный мечтатель, молящийся «в ночной тиши».

По мнению многих символистов, именно в поэме «Божественная комедия» можно найти истоки символизма, поскольку личность автора в данном произведении представлялась поэтам – символистам одинокой, печальной, преждевременной по своим идеям и идеалам, стоящей выше масс, не понятой ими: «великий отверженец» жил, как в аду.

Восприятие Данте как трагического героя В. Брюсов высказал в одноименном стихотворении (1898). Подобными «мучениками» считали себя и символисты.

*Давно пленил мое воображенье
Угрюмый образ из далеких лет,
Раздумий одиноких воплощенье...
Мечтательный, на девушку похожий,
Он приучался к зрелищу смертей,
Но складки на челе ложились строже.
Он, веривший в величие людей,
Со стоном звал: пускай придут владыки
И усмирят бессмысленных детей [5, с. 154-155].*

Из абстрактно-религиозного мира великий итальянец Данте переносится В. Брюсовым в реально-историческую обстановку: то было время, когда «с гвельфами боролись гибеллины». Эпоха Данте описывается как время дикости, варварства, когда кругом раздавался «вой во славу побед людей, принявших вид звериный». Но этот «звон мечей, проклятия и крики» для Данте – ложь, «бред». В. Брюсов подчеркивает: Данте, «веривший в величие людей», предвидит «в дали времен» иных людей, жаждет воскрешения человека и человечности.

У В. Брюсова Данте – не религиозный мистик, ищущий спасения в христианском смиреннии, а гуманист, убежденный в лучшем будущем человечества, которое придет вовсе не от «святой Тени».

«Любимцы веков» – полководцы, завоеватели, покорители царств и «цари царей» изображены В. Брюсовым в одическом стиле однопланово, как установлено традицией классицизма. Выбирается одна ведущая черта исторической личности и возводится в абсолют. Основу образа такой великой личности составляет ее историческая заслуга или прочно утвердившаяся в веках библейская легенда. По деяниям и честь. Но не менее великими Брюсов считал и такие личности, вошедшие в историю или мифологию, которые не сотворили подвигов на ратном поле или в делах мирного правления государством, но отличались исключительной страстностью натур и в силу этого тоже абсолютизированы поэтом, возведены им в обобщенный символ любовной страсти (Дон Жуан, Антоний, Клеопатра). Дон Жуану В. Брюсов воздает хвалу за его ненасытную страстность природы, которая постоянно толкает Дон Жуана к познанию для себя нового, ранее неизвестного и неизведанного. В стихотворении «Дон Жуан» (1900) герой так характеризует себя:

*Да, я – моряк! искатель островов.
Скиталец дерзкий в неоглядном море.
Я жажду новых стран, иных цветов,
Наречий странных, чуждых плоскогорий [5, с. 158].*

Н. С. Бурлаков глубоко изучил образ Дон Жуана у В. Брюсова. По его мнению: «Для поэта главная ценность в образе Дон Жуана – это неутомимое активное стремление к познанию жизни в самом широком значении этого слова. Дон Жуан – один из любимых героев В. Брюсова – хочет познать новые страны, языки, моря, океаны и человеческие сердца» [8].

Среди «любимцев веков» видное место в творчестве В. Брюсова занял образ Наполеона. Такую сильную яркую личность В. Брюсов не мог проглядеть. Но одический стиль Брюсовым снимается, как только он начинает писать о Наполеоне:

*Да, на дороге поколений
На пыли расточенных лет,
Твоих шагов, твоих движений
Остался неизменный след* [5, с. 160–161].

Знаменитый полководец оставил свой след в истории. Но «шаг Наполеона землю тяготил», говорил поэт. В чем же вина императора французов? В. Брюсов усматривал в «деяниях» Наполеона разрушение европейской культуры, уничтожение ценностей, созданных человеческим интеллектом и трудом на протяжении многих веков:

*И стало, наконец, вселенной
Невозмогу носить тебя.
Землядохнула полной грудью,
И ты, как лист в дыханьи гроз,
Взвился, и полетел к безлюдью,
И пал, бессильный, на утес...* [5, с. 160–161]

Самая сильная и страшная казнь, по народным преданиям, – это когда сама земля сбросит супостата. Земля оттолкнула от себя Наполеона за преступления против человеческих творений, за разруху, за то, что в «мировое самовластье» он играл легко, как игрок, не задумываясь о последствиях своих деяний.

В. Брюсов начала 1900-х годов оставался верен своей концепции одностороннего изображения исторической личности и потому, ставя перед собой иную цель, не определяя места Наполеона в истории, не отметил в его деятельности никаких прогрессивных начинаний, вынес ему суровый приговор [8].

По мнению П. Н. Беркова, совсем другой замысел лег в основу второго цикла «Правда вечная кумиров» (книга «Все напевы» (1906–1909)). Здесь обращает на себя внимание то, что циклу предпослано знаменитое программное стихотворение В. Брюсова «Хвала человеку» («Молодой моряк вселенной...»), бодрое, жизнеутверждающее, оптимистическое, хотя и содержащее указание на противоречия в активной деятельности человека-завоевателя («...множишь тысячи коварств», «...чтоб еще над новой выей Петлю рабства захлестнуть») [2, с. 25]. В «Хвале человеку» В. Брюсов совершенно обходит молчанием тему любовной страсти. Для него в этой оде человек – «неуклонный, неизменный», и это проявляется в том, что человек «вечно властен, вечно молод». И именно эти черты находит В. Брюсов у героев стихотворений второго цикла «Правда вечная кумиров» (книга «Все напевы» (1906–1909)), которые либо сочетают наслаждения любви с творческой активностью, либо полностью преодолевают чары страсти и, «исторгнув помыслы люб-

ви», идут на предназначенный судьбою исторический подвиг. В «Зеркале теней» (1909–1912) В. Брюсов вновь обращается к «Любимцам веков», снова вызывает тени великих личностей Моисея и Александра. Цикл пополняется образами Суллы, Клитемнестры и Фауста. Каждый раз В. Брюсов находит новые черты у своего любимого героя библейского пророка Моисея. Если в «Третьей страже» (1898–1901) была спета ода в честь сверхчеловека Моисея, то теперь В. Брюсов уже более хладнокровно, двойственно рисует фигуру Моисея. Хотя он и называет его пророком, вождем, полубогом, законодателем, однако в делах пророка и вождя видит «противоречивый клуб». Моисей «боролся со своим народом», «народ пастуший и бездомный, толпу, бродящую в песках», он обрек на нищету и бесприютные кочевья. Рисунок образа Моисея как бы отражает эволюцию Брюсова от романтических абстракций к более точной характеристике личности [8].

Еще более значительным в этом плане представляется осмысление В. Брюсовым дел и личности прославленного завоевателя «полмира» Александра Македонского. В стихотворении «Смерть Александра» (1911), которое изобилует именами и географическими названиями из греческой и македонской истории, мы видим великого полководца на смертном одре. Перед умирающим проходят призраки. Они произносят клятвы, прославляют его подвиги, но перед ними уже труп. Все героическое в прошлом. Оно стало достоянием лишь истории, а будущее пойдет по иным путям. В подтексте стихотворения сквозит мысль о недолговечности завоеваний Александра Великого: «В прошлом ярость, в прошлом слава, впереди туман и мгла» [6, с. 73].

Далеко от родины и реальной современности увели В. Брюсова Ассаргадоны, Изиды, Соломоны, Моисей, Цирцеи, Александры. Чтобы о них написать с достоверностью, надо было прочесть множество книг, «превратиться в книжного человека» [4, с. 33]. Книги были главным источником познания действительности, но, судя по дневниковым записям, они не могли заменить жизнь и не давали полного простора для создания произведений, о которых мечтал тогда Брюсов. «Писать? – писать нетрудно. Я бы мог много романов и драм написать в полгода. Но надо, но необходимо, чтобы было что писать. Поэт должен переродиться, он должен на перепутье встретить ангела, который рассек бы ему грудь мечом и вложил бы, вместо сердца, пылающий огнем уголь. Пока этого не было, безмолвно влачась «в пустыне дикой» [4, с. 29], – записал В. Брюсов в своем дневнике 17 марта 1897 года, как раз во время работы над книгой «Третья стража» (1898–1901).

Таким образом, с конца XIX века, то есть со времени написания сборника «Tertia Vigilia» (1898–1901), В. Брюсов неизменно разрабатывал исторические и национальные образы, группируя их в циклы «Любимцы веков», «Баллады», «Правда вечная кумиров», «Властительные тени».

В «Третьей страже» (1898–1901) художественное пространство многообразно – это древняя Ассирия, Двуречье, Египет, Греция, Рим, европейское средневековье и Возрождение, первые века отечественной истории и относительно близкие по времени события (наполеоновская эпопея). Под пером поэта возникают и реальные исторические лица, и герои мифов, безымянные персонажи разных эпох, долженствующие выразить характерные черты своего времени.

Но все брюсовские произведения меньше всего напоминают «реконструкцию прошлого»: стремление поэта вовсе не в том, чтобы рисовать картины на исторические темы. В них ощутимо бьется пульс современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазян К. В. Выдающийся поэт и ученый, большой друг армянского народа / К. В. Айвазян // Брюсовские чтения 1962-1963 года : Материалы. – Ереван : Пед. ин-т им. В. Я. Брюсова, 1962-1963. – С. 4-5.
2. Берков П. Н. Проблема национальной культуры в понимании В. Я. Брюсова / П. Н. Берков // Брюсовские чтения 1966 года [Ред.-сост. К. В. Айвазян] – Ереван : Айстан, 1968. – С. 23-31.
3. Брюсов В. Я. Армения в поэзии Брюсова / В. Я. Брюсов [Предисловие проф. О. Т. Ганалаяна]. – Ереван : Айстан, 1966. – С. 5.
4. Брюсов В. Я. Дневники / В. Я. Брюсов. – М., 1927. – С. 29; 33.
5. Брюсов В. Я. Собрание сочинений : в 7-ми т. / В. Я. Брюсов. – М. : «Художественная литература», 1973. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы 1892-1909. – 672 с.
6. Брюсов В. Я. Собрание сочинений : в 7-ми т. / В. Я. Брюсов. – М. : «Художественная литература», 1973. – Т. 2 : Стихотворения. Поэмы 1892-1909. – 496 с.
7. Брюсов В. Я. «Tertia Vigilia» / В. Я. Брюсов. – М. : Гослитиздат, 1990. – С. 14.
8. Бурлаков Н. С. Валерий Брюсов [текст] : очерк творчества / Н. С. Бурлаков. – М. : Просвещение, 1975. – 240 с.
9. Ковский В. Е. «Здесь в стране исканий» : Реалисты и романтики / В. Е. Ковский. – М. : Художественная литература, 1990. – С. 82-83.
10. Литвин Э. С. В. Брюсов. История русской литературы в : 4-х т. / Э. С. Литвин. – М. : Наука, 1983. – Т. 4. – С. 489-490.

ЕКАТЕРИНА ПАЛИЙ

КОНЦЕПТ «ПРОШЛОГО» В СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В. БРЮСОВА «ТРЕТЬЯ СТРАЖА»

Статья посвящена рассмотрению исторических образов и мотивов в лирики Валерия Яковлевича Брюсова. Осуществляется анализ стихотворений поэта, в которых воплощены исторические события и идеи. Особое внимание уделяется героическим образам и мотивам, способам их создания и функциям. Определяется роль исторических традиций и событий в формировании индивидуального стиля поэта и парадигмы русского символизма.

Ключевые слова: мифологизм, историзм, традиция, мотив, образ, символизм.

EKATERINA PALIY

THE HISTORICAL IMAGES AND EVENTS IN BRYUSOV'S POETIC HERITAGE

The article is devoted to the historical images in Bryusov's lyrics. The analysis of the poems of the poet is carried out, where we can observe the historical events and ideas. The special attention is paid to the heroic images and motives, methods of their creation and functions. We determine the role of the historical events in the formation of the individual style of the poet and of the paradigm of Russian symbolism.

Key words: mythologism, historicism, tradition, motive, image, symbolism.

Одержано 27.05.2014 р.